

Необыкновенные приключения дамы со шпагой

РЕЦЕНЗИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ БИОГРАФИЮ

ЭЛЕН КАРРЕР Д'АНКОС

Александр Бикбов

Истомленная ожиданием окончательного диагноза и верного пророчества, Россия 90-х была идеальным местом для высших и полномочных представителей. Из США, следующим после самиздатского и перестроечного Бжезинского 80-х, «главным по России» был историк Ричард Пайпс (род. 1923). Его абсолютные интеллектуальные полномочия таяли вместе с переменной политического климата: от суровой критики административно-командной системы к жаркому восхвалению всего командного и административного. Однако еще долго поколение 90-х, само того не замечая, «говорило прозой» — утверждая что-то о вечной России вслед за Пайпсом. Главным итальянцем «по России» в 90-е был Джульетто Кьеза (род. 1940), яркий журналист и немного историк, который ворвался на российскую авансцену с критикой разбойничьего российского капитализма. Кьеза по-прежнему активен: покинув в 00-е место «главного по России», он критически осваивает горячие международные сюжеты, в частности, 9/11. Его карьера этого десятилетия отмечена неожиданными поворотами. Совсем недавно он вы-

двигался в депутаты Европарламента от... Латвии и был замечен в компании таких одиозных российских персонажей, как Александр Дугин и Владимир Добренков. «Главным по России» из Франции 90-х была историк, советолог и писательница Элен Каррер д'Анкос (род. 1929). Еще в конце 1970-х, пока Бжезинский прогнозировал эволюцию советского тоталитаризма в следующем тысячелетии, она предположила, что СССР вскоре распадется. Обстоятельства были указаны «не совсем те»: высокая рождаемость в среднеазиатских республиках, как импульс к национальному и религиозному пробуждению. Но по факту распада СССР детали утратили значение. В самом конце 1980-х это предсказание ей припомнили и с тех пор не перестают припоминать — часто в хорошем и очень хорошем смысле. Каррер д'Анкос была благосклонно принята сперва генсеком Горбачевым, затем президентом Ельциным, а вслед за ними президентом Путиным и президентом Медведевым.

Причины такой благосклонности не ограничивались, конечно, одним полуслучайным предсказанием. С 1963 года французский историк и советолог написала 26 книг, посвя-

щенных российской политике, которые с конца 1980-х отличались в целом позитивным тоном и емкими заглавиями: «Великий вызов», «Россия-победительница», «Николай II», «Ленин», «Россия на распутье», «Екатерина II», «Евразийская империя», «Александр II». Впрочем, и этого было бы явно недостаточно для благосклонного государственного внимания. Сколько высококлассных специалистов по российской политической истории ни разу в жизни не удостоились кремлевского приема и не пожали руку кому-нибудь из российских президентов? Выбор громких имен и больших тем, умение говорить о величии и бедах России, избегая наивной прямолинейности, беллетристический оттенок публикаций обеспечили Элен Каррер д'Анкос место в СМИ, отчасти сблизив ее амплуа с тем, что в самой России освоил другой историк и писатель, вернее историк-как-писатель, Эдвард Радзинский. Беллетристический талант на службе медиатической популярности — еще один компонент в формуле успеха «главного специалиста по России» из Франции. Однако и он не был первым и основным.

Ключом к российской политической сцене стала карьера Элен Кар-

рер д'Анкос в европейской политике и администрации. Карьера для историка России весьма примечательная: советник при Европейском банке реконструкции и развития по демократизации бывших социалистических стран (1992), депутат Европарламента и вице-президент Комиссии по международным делам и безопасности (1994), член Национального совета Франции по развитию общественных наук (1998), а за порогом 90-х — президент научного совета Статистического наблюдательного органа по делам иммиграции и интеграции (2004). К этому следует прибавить еще одно обстоятельство, часто упоминаемое первым: избрание во Французскую Академию (1990) — престижный клуб писателей и философов, основная забота которых заключается в сохранении и пропаганде истинного французского языка. На первый взгляд, к России и даже к политике это обстоятельство имеет весьма косвенное отношение. В списке ежегодных и торжественных речей академика — панегирики великим людям Франции и превознесение красот французской литературы¹. Однако вручение шпаги «бессмертного» стало кардинальным моментом в двойной карьере, подкрепив высокие политические полномочия недавнего советолога престижным интеллектуальным званием. В 2003 году эти двойные полномочия подтвердила Российская Академия наук, присвоив французскому академику звание иностранного члена РАН, а в 2008-м вручив ей, вместе с Евгением Примаковым, президентом Торгово-промышленной палаты РФ, золотую медаль Ломоносова. Не менее симптоматично выглядит награда Русской православной церкви «За выдающуюся деятельность по укреплению единства православных народов», которую в 2004 году патриарх вручил Каррер д'Анкос вместе с другими номинантами: папой Александрийским Петром, президентом Греции Константиносом Стефанопулосом, бизнесменом Владимиром Потаниным и богословским факультетом Белградского университета. Кроме того, в 1999 году она была награждена ор-

ПУШКИН №2 2010

¹ Все выступления доступны на сайте Французской Академии: <http://www.academie-francaise.fr/immortels/base/academiciens/discours.asp?param=683>

ТАТЬЯНА КОЗУБЕЙ. ЖЕНЩИНА В ЗЕЛЕНОМ ПЛАТКЕ. НАЧАЛО 1960-Х

денем Дружбы, а в 2009 году президент Медведев вручил ей Орден Почета за «большой вклад в развитие и укрепление дружбы и сотрудничества между Российской Федерацией и Французской Республикой». Отбор Президиумом российской Академии лауреатов, представленных к высшей научной награде, признание РПЦ за советологом и историком «усилий для повышения общественной роли Православия в Европе»², отмеченная двумя президентами РФ дипломатическая деятельность вполне прозрачно отсылают к политическим резонам. Но и в ученом французском чувствовании есть важный нюанс, ко-

торый нередко ускользает от российской публики.

В институциональном ландшафте Франции имеется несколько абсолютных вершин интеллектуального признания. Французская Академия (основанная в 1635) традиционно противостоит здесь другому пику интеллектуальной карьеры, каковым является Коллеж де Франс (основанный в 1530). Если Академия — это что-то вроде Президиума Союза писателей, бастион «чистого и ясного» французского языка, то Коллеж — это заповедник исследователей и научных достижений, включая химию, биологию, физику. Академиками были писатели Эжен Ионеско, Анри Труайя, Морис Дрюон. Профессорами Коллежа — исследователи Морис Мерло-Понти, Мишель Фуко, Пьер

² Официальный сайт Московского Патриархата (<http://www.mospat.ru/archive/6526.html>).

Бурдые. Членство в Академии обставлено помпезно: шитый золотом китель и драгоценная шпага, гарантированные законодательно, ожидаемый или уже имеющийся орден Почетного Легиона, а также не столь редкий аристократический титул. Членство в Коллеге, избавленное от томных вензелей, предполагает куда более рабочую обстановку: еженедельные публичные лекции и исследовательские семинары. Подобный стилистический контраст почти естественно кристаллизуется в политической оппозиции: среди знатных академиков гораздо чаще можно встретить обладателей правых и даже реакционных взглядов, среди членов Коллеги — левых интеллектуалов.

Последнее обстоятельство вновь возвращает ученых досуги к политическим истокам, причем не всегда предсказуемым образом. Напряженное ожидание в 90-х *Главного Ответа* про Россию обеспечило Элен Каррер д'Анкос исключительным карьерным шансом. Как и все западные историки и журналисты, от кого ждали этого ответа, она его не дала. Но предоставленным шансом воспользовалась умело и с достоинством. Она всегда была последовательным сторонником взгляда на политику «сверху»: в духе династической истории и международных отношений колониальной эпохи. Но ее суждения, отмеченные беллетристическим тактом, обходили стороной опасные крайности, которыми неизменно изобиловали оценки советской и российской политики. Вернее, она удачно уравнивала эти крайности между собой, скрепляя это равновесие жизнеутверждающей нотой. Как в давнем уже интервью, где «бессмертный» академик характеризовала президента Путина: «Это не великая фигура XXI века (не знаю, право, где их сегодня искать), но совершенно замечательный прагматик, который осторожно движется вперед, уверена, сознавая свою неопытность в международных делах»¹. Вроде, не очень лестно («не великая фигура»), но и совсем не обидно («замечательный прагматик»), а ввиду нехватки великих фигур и обещанной опытности в ближайшем будущем — даже приятно. Иными словами, выверенный дипломатический жест,

дающий преимущество одновременно и его автору, и адресату. Действуя подобным образом в своих книгах и выступлениях, охватывающих пространства от Парижа до Бухары, Каррер д'Анкос предстала человеком безупречного воспитания и стиля, очаровывая публику мастерски подобранным букетом общих мест и нетривиальных сочетаний. Никогда не претендуя на роль критического интеллектуала, она не давала повода упрекнуть ее и в явной политической предвзятости. По крайней мере, до недавнего времени и до тех пор, пока говорила о России.

В 2005-м, уже будучи советником по иммиграции и интеграции, она позволила себе покинуть незыблемый пьедестал светской дисциплины. Покинуть совсем ненадолго — но этого оказалось вполне достаточно. Комментируя по российскому телевидению волнения на окраинах французских городов, она воскликнула: «Да эти люди приезжают из своих африканских деревень. А Париж и другие европейские города — это вам не африканская деревня... Почему столько африканских детей на улицах, почему родители не могут купить им квартиру? Ясно, почему: многие из этих африканцев — я точно вам говорю — многоженцы. В одной квартире три-четыре жены и 25 детей. Они забыты под завязку, так что это уже больше не квартиры, а бог знает что!»² Тогда же академик разъяснила «Московским новостям»: «Французское телевидение настолько политкорректно, что просто кошмар. У нас есть законы, которые мог бы придумать и Сталин. Вы сядете в тюрьму, если скажете, что на телевидении — пять евреев или десять негров. Люди не могут выражать свое мнение по поводу этнических групп. Второй мировой войны и по многим другим вещам»³. Это была уже не мимолетная ошибка в салонной беседе. Прозвучало публичное заявление ультраправого толка, в стиле «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пена. Безупречная статуя дамы со шпагой треснула.

² Эфир программы «Сегодня», 13 ноября 2005. Перевод по французской республикации Libération.

³ Французские «иммигранты» пугают Москву // *Le Monde*. 16 ноября 2005 (цитируется в переводе сайта inopressa.ru).

Проявившаяся трещина не помешала ожидаемому вручению ордена Почетного Легиона. В конце концов, бывший министр МВД и нынешний президент Франции Николя Саркози, как и его окружение, сами не раз давали повод упрекнуть их за схожие высказывания. Но для Элен Каррер д'Анкос эти слова стали вторым главным суждением в ее карьере после предсказания о развале СССР. Теми, что припоминают ей чаще всего — но уже не в хорошем, совсем не хорошем смысле. Выглядело это так, будто к концу своей долгой карьеры «бессмертный» академик определилась, наконец, с политической позицией. В выверенных прежде высказываниях академика о России все чаще стал заметен не менее явственный — на сей раз державный — акцент. «Значительное улучшение материального положения» жителей России, «восстановление внешнеполитического влияния», «безграничная популярность Владимира Путина»: во второй половине 2000-х ее оценка действующих российских президентов и правительств начала удивительно походить на цитаты из речей официальных российских идеологов. Акцент оказался настолько осязаем, что некоторые французские СМИ открыто заговорили о продвижении «бессмертным» политологом официальных российских интересов во Франции⁴.

Но проблема здесь не в одних только личных предпочтениях Элен Каррер д'Анкос, явно сместившихся вправо. За последнее десятилетие в том же направлении эволюционировала сама международная сцена. Практикуя политологию как продолжение дипломатии иными средствами, на исходе 00-х «бессмертный» академик поставила свою шпагу на службу новым силам. Не столько Кремлю, сколько негласной международной коалиции, куда вошло нынешнее руководство Франции, России, Италии и некоторых других стран победившего неоконсерватизма. Участники коалиции с симпатией и вниманием следят за успехами друг друга в деле концентрации власти и контроля над национальными ресурсами. В критических случаях они делятся с зарубежными партнерами по политическому бизнесу:

⁴ См.: PIOTR SMOLAR. Vision de Russie // *Le Monde*. 11 mai 2010.

не безвозмездно, но к взаимной выгоде и совместной безопасности. Спасение банков при сокращении расходов на образование и здравоохранение, смелые зарубежные инвестиции в разорившиеся индустриальные гиганты и крупные СМИ, международные саммиты в галстуках и без, сбивающие накал внутривнутриполитических скандалов. На этом фоне Россия и впрямь предстает частью Европы и даже ее соинвестором, по мере того как российский политический класс обзаводится все более тесными имущественными и медийными связями с европейскими аналогами. Увы, крепкое партнерство — удел избранных. Хотя сегодняшняя ставка на силы СМИ выше, чем на мощь оружия, неоконсервативные модернизаторы в конечном счете прагматически выбирают политику социального принуждения, предпочитая ее кропотливому искусству общественного равновесия. Фоном торжественных актов взаимной поддержки правительств оказывается растущее социальное расслоение, социальная незащищенность семей, криминализация общественных движений, дискриминация безработных и трудовых мигрантов во всех странах коалиции. Эта реальность — непарадная часть пересмотренной формулы «Россия в мире», которую с таким энтузиазмом предлагает академик.

Существующий в России спрос на пускай даже скомпрометированную политологическую дипломатию и проступающая из-под нее *realpolitik* дружбы Европы с Россией позволяет лучше объяснить сам феномен «главного специалиста по России». Эта фигура предстает неотъемлемым элементом риторики обновления (модернизации), которая регулярно воспроизводится в российской политике при изменении баланса сил между крупными политическими фракциями. Пик карьеры Ричарда Пайпса в России был связан с одним из таких моментов — приходом к власти реформистской фракции КПСС, периодом активной вестернизации (прежде всего американизации), связанной с надеждой на отказ российского государства от репрессивной модели власти. Надеждой, эмансипаторной в своей основе, при том что интеллектуальные полномочия Пайпса были результатом той вполне прагматичной силовой игры против «империи зла»,

в которой сам он принимал активное участие. Когда политическая карьера Элен Каррер д'Анкос как «главного специалиста» в России только началась, он уже свидетельствовал против КПСС в Конституционном суде РФ (1992). В отличие от Пайпса, кто еще в годы холодной войны возглавлял «Команду Б», созданную ЦРУ для оценки военного потенциала и мировых амбиций СССР, Каррер д'Анкос действовала с большей осторожностью, предпочитая институции административного типа откровенно идеологическим. Ее изначально менее заметная и впоследствии медленно растущая роль во многом объясняется этим обстоятельством. Этим же объясняется ее большая известность в России высокими наградами и приветливым тоном, нежели содержанием высказываний. Но те же условия обеспечили ее политическое долголетие, тогда как более знаменитых «главных специалистов», зацветших на горизонте высоких ожиданий 90-х, к концу десятилетия окончательно поглотило облако автохтонных экспертов. Не последнюю роль в их судьбе сыграло и то обстоятельство, что откровенно антикоммунистические и антисоветские модели быстро утратили актуальность с не-

ожиданно легким и непредсказуемым стремительным уходом «Советов» на капиталистический вираж.

В целом разделяя взгляд на коммунизм как на катастрофу, но не стремясь к быстрым антисоветским дивидендам, Каррер д'Анкос выиграла в долгой перспективе. Начав с идеологически «слабой» риторики неопределенного будущего и двойственности российской реформ, она удачно разыграла свою карту позже, когда Россия окончательно лишилась негативной советской харизмы и заняла место в неоконсервативном капиталистическом авангарде. В результате основные российские знаки признания она получила от светских и духовных властей уже в 2000-х. И столь многочисленные награды красноречивее свидетельствуют уже не о даме со шпагой, а о самовосприятии самих этих властей. Ведь продержавшись на публичной сцене предшествующее десятилетие, «бессмертный» академик осталась совершенным представителем той эпохи, с ее имперскими образами и легкостью политических обобщений. Так ли мертвы в России 90-е, об официальной кончине которых было объявлено? ■

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ ЭЛЕН КАРРЕР Д'АНКОС, ОПУБЛИКОВАННЫХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Расколота империя: Национальный бунт в СССР. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1982

Императрица и аббат: неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шанпа д'Отероша. М.: Олма-Пресс, 2005

Незавершенная Россия. М.: РОССПЭН, 2005

Николай II: расстрелянная преемственность. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006

Екатерина II. Золотой век в истории России. М.: РОССПЭН, 2006

Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2007

Ленин. М.: РОССПЭН, 2008

Русская беда: эссе о политическом убийстве. М.: РОССПЭН, 2009